

УДК 115:165.6.001.891.57

В. Б. Ханжи, д-р филос. наук, доц.

ЭПИСТЕМНО-ПАРАДИГМАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

Одесский национальный медицинский университет, Одесса, Украина

УДК 115:165.6.001.891.57

В. Б. Ханжи

ЭПИСТЕМНО-ПАРАДИГМАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВРЕМЕНИ

Одесский национальный медицинский университет, Одесса, Украина

В статье на основании концепций М. Фуко и Т. Куна, а также с учетом постнеклассических акцентов осуществлено осмысление понятий эпистемы и парадигмы. Выявлен методологический потенциал эпистемно-парадигмального моделирования. Показаны перспективы использования этого методологического основания при реконструкции парадигм времени.

Ключевые слова: парадигма, эпистема, эпистемно-парадигмальное моделирование, антропологическая парадигма времени.

UDC 115:165.6.001.891.57

V. B. Khanzhy

EPISTEMIC-PARADIGMATIC MODELLING AS A METHODOLOGICAL FOUNDATION OF STUDYING THE TIME

The Odessa National Medical University, Odessa, Ukraine

In the article we use M. Foucault's and T. Kuhn's doctrines, taking into consideration postnonclassical accents, to execute a comprehension of concepts of an episteme and a paradigm. A methodological potential of the epistemic-paradigmatic modelling is detected. Perspectives of use of this methodological foundation for the reconstruction of the paradigms of time are shown.

Key words: paradigm, episteme, epistemic-paradigmatic modelling, anthropological paradigm of time.

Понятия парадигмы и эпистемы (особенно первое из них) являются в достаточной мере устоявшимися в философии науки. Однако, несмотря на то, что после выхода знаменитых работ Т. Куна «Структура научных революций» (1962) и М. Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966), в которых авторы предложили свою артикуляцию понятий, прошло около полувека, проблемы расширения и углубления значений этих терминов, а также выявления их соотношения не теряют своей актуальности по сей день.

В показанном научном русле выделяются работы таких западных ученых, как Дж. Александер, Дж. Баркер, Дж. Боррадори, Р. Будон, М. Вартофский, П. Вен, Дж. Р. Вильямс, Б. М. Вильямс, Р. Л. Кози, Т. Кун, И. Лакатос, Х. В. Патнэм, К. Поппер, Г. Ритцер, А. Тьюдор, С. Тулмин, П. Фейерабенд, М. Фуко, а также исследователей советского и постсоветского пространства Н. С. Автономовой, В. И. Аршинова, А. И. Афанасьева, Л. Н. Богатой, В. П. Визгина, Р. А. Вихалемма, В. Э. Войцеховича, М. С. Дмитриевой, А. М. Израилевского, Л. С. Клейна, В. И. Кураева, Л. А. Марковой, С. Р. Микулинского, И. В. Полякова, Р. В. Светлова, В. С. Степина и др.

В контексте исследования времени путем реконструкции как локально-эпохальных моделей, так и фундаментальных линий его исследования —

онтологической и антропологической, осуществляемой автором в последние годы, естественным образом возник вопрос (являющийся, на наш взгляд, слабоизученным) о методологических возможностях синтетического — эпистемно-парадигмального — исследовательского «наброска», т. е. такого, в рамках которого реконструкция парадигм осуществлялась бы с учетом эпистемного контекста. Таким образом, **целью** данной статьи является выявление потенциала эпистемно-парадигмального моделирования как методологического основания исследования времени на основе концепций М. Фуко и Т. Куна, а также с учетом постнеклассических акцентов.

Понятие парадигмы оказалось одним из самых обсуждаемых в среде философов науки в последние десятилетия. В предисловии к книге «Структура научных революций» Кун указывает: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [1, с. 11]. Парадигма выступает в качестве образца, принятой модели [2, с. 23], пригодной для толкования определенной совокупности фактов в той или иной сфере. Именно от того, как долго парадигмальные установки будут пояснять факты действительности достаточно глубоко и в непротиворечивой форме, зависит длительность разви-

тия соответствующей науки в ее «нормальной» фазе — периоде, когда осуществляется «...исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений — достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности» [1, с. 28]. Наука в «нормальной» фазе формируется, устремляется и упрочняется парадигмой, господствующей на этом этапе ее (науки) развития. Парадигма определяет концептуальные, инструментальные, методологические предписания для исследований. Однако ни в коей мере не следует полагать, что она выступает жестким императивом — в деятельности разрабатывающих ее ученых не исключаются вариативность и определенная свобода в интерпретации положений парадигмы. В свою очередь, будучи интерпретированной в том или ином ключе, она порождает правила, которые как раз и отличаются гораздо большей, нежели парадигма, строгостью и требуют прямого им следования. Конкретность и точность правил обуславливают тот факт, что деятельность по их обнаружению оказывается значительно более сложной, чем научная активность в установлении самих парадигм.

Тем не менее периодически обнаруживаемые несоответствия между некоторыми из явлений, которые должны были войти в класс объясняемых парадигмой, и самой ставшей образцовой теорией рано или поздно начинают требовать пристального внимания. Вначале, при незначительности таковых на фоне фактов, объясняемых теорией, на первые попросту могут закрывать глаза, заявляя об исключениях из правил или неточностях в эмпирических данных. Однако если количество фактов, противоречащих образцовой теоретической модели, становится сопоставимым с числом феноменов, подтверждающих ее справедливость, то вызревает необходимость радикального теоретического обновления — научной революции, понимаемой как эпизод развития науки, когда «...старая парадигма замещается целиком или частично новой парадигмой, несовместимой со старой» [1, с. 128].

Куновская концепция развития науки испытала шквал критики. Так, замечание о чрезмерной категоричности Куна в разграничении периодов нормальной науки и научной революции звучит у С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой [3], К. Поппера [4], С. Тулмина [5], П. Фейерабенда [6]. Кроме того, по мнению критиков, Кун склонен к иррационалистическому толкованию процесса развития науки (И. Лакатос: «...Кун склонился к весьма оригинальной концепции иррациональной смены рациональных авторитетов» [7, с. 253], В. И. Кураев [8], С. Р. Микулинский и Л. А. Маркова [3], К. Поппер [4], В. С. Степин [9]). Были высказаны и другие, не менее значи-

мые претензии (подробнее см. [10]). Очевидно, что куновское «Дополнение 1969 года», в котором понятие парадигмы заменено термином «дисциплинарная матрица» [1], есть попытка философа преодолеть сложившиеся противоречия.

Перейдем к современным (постнеклассическим) акцентам в толковании понятия парадигмы (см. также [10]). В первую очередь, они связаны с приближением понятия парадигмы по смысловой нагрузке и объему к категориям «мировоззренческая система», «картина мира». Одним из этапов такого изменения является появление новых словосочетаний: «философская парадигма», «культурная парадигма», «гуманитарная парадигма» и т. д. Так, в работе А. И. Афанасьева находим, что парадигмами «...часто выступают философські, релігійні, психологічні, соціальні та інші концепції» [11, с. 23] и что они «...працюють у різних сферах гуманітарної творчості — філософії, літературі, мистецтві, а також у гуманітарних науках — соціології, культурології, історії, літературознавстві...» [11, с. 24].

Однако такая ситуация далеко не всеми учеными была воспринята позитивно. К примеру, исследователь Л. Н. Богатая, выражая сомнение в правомерности использования этих понятийных конструкций, в отношении первой из них пишет: «Философ призван заниматься наблюдением за процессами становления парадигмы. И философ перестает быть философом, если попадает под влияние какой-либо парадигмы... По этой же причине употребление словосочетания “философская парадигма” является не совсем корректным. Философ, “взламывая” любые застывшие парадигмальные формы, пытается постигнуть причины (законы) парадигмальных манифестаций» [12, с. 16]. В ответ на это скажем, что «наблюдение за становящимся», т. е. формирующейся парадигмой, к которому как истинно философскому делу (в противовес «исследованию схваченного») призывает автор, философ может осуществлять, даже пребывая в сфере господства ее самой. Присущая ему критичность ума — достаточная платформа для «взламывания» нуждающихся в пересмотре устоев, даже если ими во многом было подготовлено его собственное становление. История знает множество примеров переходов мыслителей из одного философского стана в другой (к иной философской парадигме) — переходов, вызванных неприятием бывшей определенное время «своей» («взлом» изнутри!) совокупности убеждений, положений, посылов. Так, аристотелевская линия мысли выступила в качестве антитезиса подготовившему ее платонизму; марксизм многим обязан гегелевскому идеализму (взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса в свое время вызревали под влиянием идейного поля младогегельянцев).

Во-вторых, учитывая то обстоятельство, что результаты познания во многом определяются

избранной методологией, а она, в свою очередь, — мировоззренческими позициями, разделяемыми тем или иным научным сообществом, современная наука наделила человеческий фактор особым статусом. В результате изменилась и модель, описывающая соотношение парадигм в динамике развития знания. Возвращаясь к куновскому пониманию развития науки, напомним, что американский теоретик подает парадигмальные модели в качестве *сменяющихся* друг друга образцов для решения головоломок той или иной науки. Однако в силу все разрастающейся тенденции культивации этого термина за пределами сферы естествознания, естественной и даже необходимой оказывается ситуация *сосуществования* взаимоисключающих парадигм. Американским социологом Р. Л. Кози была высказана мысль о том, что описание определенной категории культурно-социальных структур естественным образом нуждается в апелляции к различным теориям [13, с. 362]. В том же духе высказывается Р. Будон, заявляющий о том, что парадигмальная унификация с выявлением «правильного» методологически ошибочна [14, с. 183]. Схожие идеи звучат и у Дж. Александера [15, с. 186], А. Тьюдора [16, с. 38] (подробнее о позициях исследователей см. [17, с. 219–220]). Украинский ученый А. И. Афанасьев по этому поводу пишет: «Парадигмальну різноманітність слід вважати не недоліком, а достоїнством як науки, так і взагалі культури, що з необхідністю детермінує їхню додатковість» [11, с. 26].

Не менее значительный резонанс вызвало в свое время введение в научный тезаурус и понятия, составившего определенную «конкуренцию» термину «парадигма», — понятия эпистемы. История развития культуры свидетельствует о периодическом изменении фундаментальных представлений, ключевых акцентов знания, систем мышления, доминировавших достаточно длительное время и имевших значительный географический размах. Согласно учению французского философа Мишеля Фуко, этот процесс может быть осмыслен как последовательность сменяющихся друг друга эпистем. Ясной и прозрачной дефиниции эпистемы у Фуко нет (в основном мы будем опираться на его работу «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» [18]) — философ как будто бы позволяет читателю стать его собеседником, участником дискурса, в котором постепенно проявляется относительно внятная экспликация этого понятия. Современный исследователь Н. С. Автономова полагает, что М. Фуко подразумевал под эпистемами «...те исторически изменяющиеся структуры... которые определяют условия возможности мнений, теорий или даже наук в каждый исторический период...» [19, с. 12]. У В. П. Визгина фукоианская эпистема определена как «...культурно-познавательное априори, задающее условия возможности форм

культуры и конкретных форм знания определенной исторической эпохи...» [20]. В указанной выше работе Фуко выделяет три исторически сложившиеся эпистемы: ренессансную, классическую и современную.

Отметим, что в последующих своих трудах («Археология знания» (1969), «Что такое автор» (1969) и др.) ничего существенного к экспликации понятия эпистемы французский философ не добавляет, более того, практически уходит от его использования. Так, например, одна из наиболее примечательных работ, «Археология знания», в значительной мере явившаяся в качестве ответа на критику «Слов и вещей», в первую очередь посвящена конкретизации лишь заявленных в труде 1966 г. позиций, касающихся методологии «археологического» (т. е. исторического) подхода к эпохально-культурным тенденциям.

Тем не менее толкование эпистемных трансформаций, предложенное мыслителем в «Словах и вещах», вызвало значительный резонанс, что отразилось в ряде замечаний относительно положений его концепции. Так, взгляды Фуко вызвали критику со стороны адептов марксистской традиции, отмечавших их существенное расхождение с диалектическим пониманием процесса культурного развития. Если, согласно диалектическим представлениям, эволюция культуры есть единство сохраняемого и приращаемого и каждый последующий ее этап фундирован концептуальным базисом (по К. Марксу — способом организации и реализации производственных отношений), то в концепции Фуко это движение калейдоскопично, поэтому попытки подведения принципа преемственности под чередование эпистем априори тщетны. Коллега Фуко по Коллеж де Франс П. Вен выделяет четыре центральных посыла автора «Слов и вещей» в объяснении культурно-исторического процесса [21, с. 374–375]. Во-первых, в последовательности гетерогенностей не представляется изыскать единую прогрессивную направленность. Во-вторых, ни к разуму, ни к влечению, ни к сознанию не может быть редуцирована та жизненная сила, которая движет калейдоскоп событийности культуры, в том числе культуры познания (здесь, очевидно, присутствует критика взглядов не только Маркса, но и Г. В. Ф. Гегеля, и З. Фрейда). В-третьих, противоречивость рационального объяснения смены эпистем заключается, помимо прочего, в том, что возможность сравнения достоинств и недостатков разнородных образований (как одной гетерогенной структуры с другой, так и в пределах их собственных границ) нуждается в опоре на некую систему ценностей, а последняя, как правило, субъективна. Наконец, в-четвертых, «...не нужно выдумывать рационализирующих рационализмов и маскировать гетерогенность под овеществлением... поскольку вещей-то как раз и нет: есть только практики» [21, с. 375].

Фуко, размышляя о словах и вещах, особенно подчеркивает иллюзорность естественности объектов, усиленную верой в адекватность прилагаемых к ним слов. В действительности «...вещи существуют только через отношение... и определение этого отношения является их объяснением» [21, с. 377].

Критические отзывы касательно способа перехода от одной эпистемы к другой в адрес французского исследователя озвучивает Кун, полагая сомнительным тезис Фуко о невозможности объяснения эпистемологических разрывов и, соответственно, необходимости довольствоваться лишь их описанием. По мнению американского исследователя, как эпистемы, так и разрывы между ними органично вплетаются в полотно истории и вытекают из логики друг друга [22, с. 193]. Здесь очевидна та параллель, которая латентно проводится Куном с его собственным видением соотношения нормального и революционного этапов развития науки. Как уже было сказано выше, автор «Структуры научных революций» тремя десятилетиями ранее сам вынужден был отвечать на критику, включавшую множество подобных претензий. Поэтому старательное подчеркивание Куном взаимосвязанности эпистем и разрывов в единой эволюции знания весьма закономерно.

Итак, рассмотрев предложенные Куном и Фуко экспликации понятий (соответственно) парадигмы и эпистемы, мы предстали перед дилеммой: какая же из этих методологических конструкций в наибольшей мере отвечает тому, что моделируется автором в течение последних лет? Иными словами, какое из этих понятий наиболее удобно для обозначения как образцовых локально-эпохальных моделей бытия и времени, так и фундаментальных линий мысли, которые мы противопоставляем друг другу — онтологической и антропологической традициям референции времени [23]? Как нам представляется, не лишено недостатков культивирование и одного, и другого понятия. Выше уже было указано, что значение, которое вкладывал в категорию парадигмы Кун (способ постановки и решения задач в конкретно-научном знании), в последние пятьдесят с лишним лет в значительной мере было расширено. Говоря о культурных явлениях, социальных структурах, иными словами, переходя к анализу гуманитарных объектов, ученые все более основывают свои воззрения на идее парадигмального плюрализма. Например, Р. Будон подчеркивает, что стремление к монопарадигмальности — серьезная методологическая ошибка [14, с. 183], корни которой — в нередком истолковании парадигмы в онтологическом ключе, тогда как ее следует интерпретировать лишь методологически [14, с. 185]. Поэтому «парадигма не может быть истинной или ложной, реалистической или ирреальной. Она лишь бывает более

или менее удобной для анализа конкретных феноменов» [14, с. 186]. А. Тьюдор также утверждает, что не существует единственной научной парадигмы. Действительности чужда подобная идеализация — она являет картину сосуществования научных подходов и направлений, «...пересекающихся тем или иным образом, функционирующих на разных уровнях абстракций и имеющих дело с тем, что считается единым феноменальным миром» [16, с. 38].

Исходя из сказанного, полагаем, что рассмотренные в наших предыдущих работах онтологические модели, поданные в ключе сосуществования (но при этом взаимоисключения) могут быть обозначены как парадигмы. Так, нами были подвергнуты осмыслению исторически сложившиеся парадигмы бытия (в эпоху античности — парадигма статичности и парадигма динамичности, в периоды средневековья и Возрождения — теистическая и пантеистическая парадигмы) как основания соответствующих представлений о времени, а также (в отношении философии и науки XVII — нач. XXI вв.) непосредственно онтологические парадигмы времени: сустанциальная и реляционная модели, парадигмы обратимости и необратимости.

В то же время достаточно перспективным видится использование и понятия эпистемы — применительно к среде, детерминированной эпохально-культурными факторами, которая порождает обозначенные выше парадигмы. Напомним, что в работе Фуко этой категорией обозначены некие неосознаваемые «конфигурации знания» [18, с. 67], коренящиеся в сложившихся эпохальных отношениях различного рода, которые структурно определяют основные культурные вообще и эпистемологические в частности ориентации, способы артикуляции проблем и конкретные дискурсивно-практические варианты их реализации.

В большинстве своих функций эпистема соответствует парадигме [17, с. 222; 22, с. 192], однако следует отметить и их принципиальные различия. Парадигма в первую очередь устремлена на репрезентацию образцовых общепризнанных идей в рамках *одной дисциплины* (с учетом сказанного ранее отметим, что сегодня корректнее говорить о парадигмах в более масштабных образованиях — областях знания). Эпистема же есть «конфигурация знания», определяющая систему мышления вообще и конкретные дискурсивные практики в частности *в определенную эпоху*. У А. М. Израилевского и И. В. Полякова по этому поводу находим, что «...если парадигма задает непротиворечивость теорий в рамках одной научной дисциплины, то эпистема задает общность в определенный период, причем такую, которая не исключает существования в рамках данного знания конкурирующих концепций» [17, с. 223]. Кроме того, находим у Л. С. Клейна, парадигма

по своей сути — образование рациональное, тогда как эпистема, которая зиждется преимущественно на неосознанно впитываемых культурно-жизненных порывах, в значительной мере, как и сама жизнь, иррациональна [24, с. 351]. Наконец, очень важный пункт отличия отмечает Дж. Боррадори в беседе с Куном. Она утверждает, что, с одной стороны, концепции и американского, и французского философов особое внимание уделяют прерывности как решающему моменту становления истории знания. Однако, с другой стороны, «в то время как Фуко рассматривает прерывность главным образом с точки зрения ее новаторской ценности для будущего, Вы (обращаясь к Куну. — В. Х.) рассматриваете научные революции главным образом с точки зрения их разрушительного потенциала для прошлого» [22, с. 192–193] (кстати, сам Кун не согласен даже с постановкой вопроса о цели науки; он отдает предпочтение эволюционистскому, близкому к его биологическому аналогу, взгляду на научное развитие [22, с. 193]).

Взяв во внимание сказанное выше, мы, тем не менее, при исследовании времени полагаем методологически возможным и потенциально продуктивным использование некоего синтетического — эпистемно-парадигмального — исследовательского подхода. В смысловом лоне такой культивации этих категорий эпистема как гносеологическое проявление эпохи есть условие формирования парадигмы (парадигм) как методологического проявления эпистемы. Действительно, если мы давно уже используем периодизацию истории, в основание которой положены критерии различения способов производства, то почему же не имеет право на существование та периодизация, которая зиждется на эпистемологическом разнообразии?! Неужели эпохальные способы производства оказываются более показательным критерием, чем типы мышления и соответствующие «конфигурации знания»?! Поль Вен, указывая на тотальную историчность, господствующую в мире, подчеркивает, что «...все обусловлено всем (а не только производственными отношениями), ничто не существует транс-исторически и объяснение мнимого объекта (“вещи” Фуко. — В. Х.) заключается в том, чтобы показать, каким историческим контекстом оно обусловлено» [21, с. 377]. В предыдущих изысканиях нами не была непосредственно преследуема цель выявления исторического контекста возникновения и развития тех или иных парадигмальных построений; предметом исследовательского поиска были сами парадигмы бытия и времени. Однако это не отрицает необходимости позиционирования их эпохально-культурной (эпистемной) обусловленности, что и подчеркивается в данной работе.

Наконец, остается определиться с наименованием фундаментальных линий мысли, подающих

время либо как рожденное потенциями самого мироздания («сущее-от-мира»), либо как результат деятельностного вовлечения человека в мир, базисную детерминанту атрибутизации деятельности самим человеком, когда человек рассматривается в качестве субъекта, а не объекта времени («сущее-от-человека»). Использование понятия парадигмы (в узком, близком к Куну значении) оказывается несколько противоречивым, поскольку в данном случае мы прилагаем его к мульти- и трансдисциплинарному образованию, в то время как парадигма до сих пор еще мыслится монодисциплинарно. В свою очередь, узость эпистемы, однако иного, эпохального, типа, также не позволяет культивирование этой категории, ибо в нашем понимании онтологический и антропологический тренды артикуляции времени простирают себя в различных проекциях через ряд периодов. Иными словами, онтологическая и антропологическая линии понимания времени, с одной стороны, трансдисциплинарны, с другой — трансэпохальны и транскультурны. Основание для обобщения такого рода имеет *интенциональную* специфичность. Действительно, именно направленность на выявление конгломерата философских и научных взглядов, роднящихся принципиальной онтологизацией или антропологизацией времени, на фоне абстрагированности от профиля сфер знания, а также культурных особенностей эпох, послужила принципом реконструкции этих моделей.

Пожалуй, наиболее удобным, на наш взгляд, являлось бы в данном случае понятие метапарадигмы, однако не в ритцеровском смысле («интегральная парадигма») [25, с. 26], который приближает эту терминологическую конструкцию к понятию эпистемы («парадигмы парадигм») [17, с. 225], а в том значении, которое вкладывает в нее современный исследователь А. Г. Дугин. Ученый предлагает наряду с категорией парадигмы ввести в научно-философский тезаурус более масштабную понятийную конструкцию — «сверх-обобщающая парадигма» или «метапарадигма» [26, с. 40]. Под таковой понимается «...обширный комплекс непроявленных установок, определяющих саму манеру понимания и рассмотрения природы реальности, которые могут в оформленном качестве порождать многообразные философские, научные, религиозные, мифологические и культурные системы и комплексы, имеющие — несмотря на все свои внешние различия — некоторый общий знаменатель» [26, с. 40–41]. Дугинская «метапарадигма» не только не привязана к конкретной форме культуры или типу мировоззрения, но и оказывается глубже самих мировоззренческих установок в целом, выступая как некая «...предмировоззренческая туманность, способная выкристаллизовать из себя (как в системе Лапласа) неопределенно большую систему мировоззрений» [26, с. 42]. Тем не менее

обоснование предпочтительности этого понятия перед иными требует отдельного исследования, что выходит за контекстуальные рамки данной статьи. Поэтому в отношении фундаментальных научно-философских линий как онтологизации, так и «очеловечивания» времени нами будут использоваться категории (соответственно) онтологической и антропологической парадигм времени, причем в широком значении второго слова каждой из триад.

Выводы

1. Предложен синтетический — эпистемно-парадигмальный — подход в исследовании времени, в рамках которого реконструкция парадигм как образцовых моделей этого феномена осуществляется с учетом эпистемного контекста их формирования и становления.

2. С учетом куновского толкования, а также современных (постнеклассических) интерпретаций понятия парадигмы, обоснована целесообразность использования этой категории для обозначения сформировавшихся в тех или иных периодах образцовых моделей бытия (фундирующих соответствующие представления о времени), а также непосредственно онтологических моделей времени.

3. В отношении самих эпохально-культурных условий становления мышления, формирования «конфигураций знания», которые подготовили выкристаллизацию парадигм в тот или иной период, предложено использование понятия эпистемы. Показана культурно-эпистемологическая противоестественность монопарадигмальной унификации, а также способность эпохальных эпистем порождать гетерогенные идеи (в решении как узкоспециальных, так и глобальных задач) и обуславливать возможность их параллельного становления.

4. В отношении онтологической и антропологической моделей артикуляции времени (имеющих трансдисциплинарный и трансэпохальный характер и реконструированных по принципу интенциональности) также предложена культивация понятия парадигмы, однако в широком, близком к категории метапарадигмы, значении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. З. Налегова ; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. — 2-е изд. — М. : Прогресс, 1977. — 304 с.
2. Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions / T. S. Kuhn. — 3rd ed. — Chicago ; London : University of Chicago press, 1996. — XIV, 212 p.
3. Микулинский С. Р. Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций» : послесловие / С. Р. Микулинский, Л. А. Маркова // Структура научных революций / Томас Кун. — М. : Прогресс, 1977. — С. 274–292.
4. Поппер К. Миф концептуального каркаса / К. Поппер // Логика и рост научного знания : избранные работы / пер.

с англ. ; сост., общ. ред. и вступ. статья В. Н. Садовского. — М. : Прогресс, 1983. — С. 558–593.

5. Тулмин С. Концептуальные революции в науке / С. Тулмин // Структура и развитие науки (Из Бостонских исследований по философии науки) : сб. пер. / пер. с англ. А. Л. Никифорова ; сост., вступ. ст. и общ. ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. — М. : Прогресс, 1978. — С. 170–189.

6. Фейерабенд П. Утешение для специалиста / П. Фейерабенд // Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. и нем. А. Л. Никифорова ; общ. ред. и вступ. ст. И. С. Нарского. — М. : Прогресс, 1986. — С. 109–124.

7. Лакатос И. История науки и ее реконструкции / И. Лакатос // Структура и развитие науки (Из Бостонских исследований по философии науки) : сб. пер. / пер. с англ. А. Л. Никифорова ; сост., вступ. ст. и общ. ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. — М. : Прогресс, 1978. — С. 203–269.

8. Кураев В. И. Проблема роста научного знания в свете ленинской теории отражения / В. И. Кураев // Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки : материалы к 8-й Всесоюзной конференции «Логика и методология науки» (Вильнюс, 1982) / под ред. Б. М. Кедрова [и др.]. — М., 1982. — С. 13–16.

9. Степин В. С. Интенсивный рост научного знания и проблема эвристических функций философии / В. С. Степин // Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки : материалы к 8-й Всесоюзной конференции «Логика и методология науки» (Вильнюс, 1982) / под ред. Б. М. Кедрова [и др.]. — М., 1982. — С. 16–19.

10. Ханжи В. Б. Понятие парадигмы: от куновских акцентов к постнеклассической интерпретации : в 2 ч. Ч. 2. / В. Б. Ханжи // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. — 2012. — Т. 24 (65). — № 1/2. — С. 18–27.

11. Афанасьев О. Гуманитарні парадигми та парадигми гуманітарних наук / О. Афанасьев // Науковий вісник Чернівецького університету : зб. наук. праць. — Чернівці, 2013. — Вип. 663/664 : Філософія. — С. 19–26.

12. Богатая Л. Размышления о парадигме и способах ее исследования / Л. Богатая // Науковий вісник Чернівецького університету : зб. наук. праць. — Чернівці, 2013. — Вип. 663/664 : Філософія. — С. 10–18.

13. Causey R. L. Structural Explanations in Social Science / R. L. Causey // Scientific Discovery, Logic and Rationality / ed. and with a crit. introd. by Thomas Nickles. — Dordrecht, Holland : Reidel, 1980. — P. 355–373.

14. Boudon R. Déterminismes sociaux et liberté individuelle : la querelle de l'homo sociologicus / R. Boudon // Les études philosophiques. — 1978. — N 2. — P. 179–186.

15. Alexander J. C. Theoretical Logic in Sociology. In 4 v. V. 1. Positivism, Presuppositions, and Current Controversies / J. C. Alexander. — Berkeley, Calif. : Univ. of Calif. Pr., 1982. — Vol. XX. — 234 p.

16. Tudor A. Beyond empiricism : philosophy of science in sociology / A. Tudor. — London ; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1982. — Vol. XI. — 213 p.

17. Израилевский А. М. Парадигмы или эпистема? («Тихая» революция постпозитивизма и методологические дебаты в современной западной теоретической социологии) / А. М. Израилевский, И. В. Поляков // Концептуализация и смысл : сб. науч. трудов / отв. ред. И. В. Поляков. — Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1990. — С. 209–227.

18. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с франц. В. П. Визгин, Н. С. Автономова ; вступ. статья Н. С. Автономовой. — СПб. : А-сад, 1994. — 405, [1] с.

19. Автономова Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» / Н. С. Автономова // Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Мишель Фуко. – СПб. : А-сад, 1994. – С. 7–27.

20. Визгин В. П. Эпистема [Электронный ресурс] / В. П. Визгин // ПлатонаНет. Философия без границ. – Режим доступа : http://platonanet.org.ua/board/novaja_filosofskaia_ehnciklopedija/ehpistema/3-1-0-1844.

21. Вен П. Фуко совершает переворот в истории : приложение / П. Вен ; пер. с франц. Л. А. Торчинского // Как пишут историю. Опыт эпистемологии. – М. : Научный мир, 2003. – С. 350–392.

22. Боррадори Дж. Парадигмы научной эволюции: Томас С. Кун / Дж. Боррадори ; пер. с англ. А. Л. Никифорова // Американский философ: Джованна Боррадори беседует с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном. – 2-е изд., перераб. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 184–200.

23. Ханжи В. Б. Парадигмы времени: от онтологического к антропологическому пониманию : монография / В. Б. Ханжи. – Херсон : Гринь Д. С., 2014. – 360 с.

24. Клейн Л. С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 2 / Л. Клейн ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2011. – 623, [1] с. – (Археология.)

25. Ritzer G. Toward an Integrated Sociological Paradigm / G. Ritzer // Contemporary Issues in Theory and Research : a Metasociological Perspective / ed. by W. E. Snizek, E. R. Fuhrman, M. K. Miller. – Westport, Conn. : Greenwood Press, 1979. – P. 25–46.

26. Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки / А. Г. Дугин. – М. : Арктогея-Центр, 2002. – 418 с.

Поступила 30.09.2015

Рецензент д-р филос. наук, проф. И. Г. Мыськ

УДК 160.1+165.63

К. В. Райхерт, канд. філос. наук

ЛОГІКА ТА (ПОСТ)(НЕ)КЛАСИЧНА РАЦІОНАЛЬНІСТЬ

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, Одеса, Україна

УДК 160.1+165.63

К. В. Райхерт

ЛОГІКА ТА (ПОСТ)(НЕ)КЛАСИЧНА РАЦІОНАЛЬНІСТЬ

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, Одеса, Україна

У даній роботі розглянуто типологію, запропоновану В. С. Стьопіним, згідно з якою можна виокремити три типи наукової раціональності: класичний, некласичний і постнекласичний. Класична раціональність, яка виводить на перший план онтологію, реалізується в логіці як уявлення про логіку як про науку про правильне мислення. Некласична раціональність, яка виводить на перший план гносеологію, реалізується в логіці як метод правильного мислення.

Постнекласична раціональність, яка виводить на перший план аксіологію, реалізується в логіці як металогіка, міждисциплінарна практика дослідження логіки як науки та методу правильного мислення.

Ключові слова: логіка, раціональність, класика, некласика, постнекласика.

UDC 160.1+165.63

K. W. Raykhert

LOGIC AND (POST)(NON)CLASSIC RATIONALITY

I. I. Mechnikov Odessa National University, Odessa, Ukraine

V. S. Styopin distinguished three types of rationality: classical, nonclassical and postnonclassical. The classical rationality is implemented in logic as a view of logic as a science of correct thinking. The nonclassical rationality is implemented in logic as a view of logic as a method of correct thinking. The postnonclassical rationality assumes the creation of meta-logic, i. e. interdisciplinary practice of researching logic as science and method of correct thinking.

Key words: logic, rationality, classic, nonclassic, postnonclassic.

У 1989 р. російський філософ В. С. Стьопін запропонував типологію наукової раціональності, згідно з якою у західноєвропейській філософії науки можна виокремити три типи раціональності: класичну, некласичну та постнекласичну [1]. Ця типологія здобула популярність серед російськомовних філософів [2], а схема «класика — не-класика — постнекласика» була накладена на філософію, науку та культуру. Проте поза увагою користувачів цієї схеми опинилася логіка — і це попри те, що довгий період (з часів Аристотеля) раціональність вважалася заснованою на зако-

нах логіки, які «є фундаментальними принципами буття та мислення» [3, с. 807]. Сам розгляд того, як запропонована В. С. Стьопіним схема може бути накладена на логіку, представляє певний філософський інтерес хоча б тому, що логіка є ключовим елементом в імітації та посиленні інтелектуальної діяльності людини через комп'ютерні системи, тобто у створенні штучного інтелекту. Звідси мета цього дослідження — розглянути, як той чи інший тип раціональності (класичний, некласичний або постнекласичний) реалізується в логіці.